

⁸ Испорченное *язвися□восстановлено нами по минее XII века.

⁹ Liddel H. G., Scott R. A Greek-English Lexicon. Vol. I-II. Oxford. 1925-1936.

¹⁰ Даже для четвертой строки мы привели далеко не все ассоциации. О слове мирра см. нашу статью «Миро или мирра?»

¹¹ Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. М., «Наука», 1979. С. 167.

¹² Bauer Walter. Griechisch-Deutsches Wörterbuch. Zu den Schriften des Neuen Testaments und der uebrigen urchristlichen Literatur. Berlin, 1958. 63.

542-е заседание. 14 ноября 2001 г.

К. А. Аверьянов

Кто такие баскаки!

В современной историографии, со времен А.Н. Насонова, общепризнанным считается, что вскоре после монголо-татарского нашествия завоеватели для организации правильного и регулярного сбора дани разделили Северо-Восточную Русь на полтора десятка областей, называвшихся «тьмами», границы которых, возможно, совпадали с территориями отдельных княжеств, во главе которых находились специальные агенты Орды — баскаки, ответственные за сбор и поступление дани в ханскую казну.

Основой для подобного утверждения послужило свидетельство Рогожского летописца, согласно которому в 1360 г. князь Дмитрий Константинович Суздальский получил «княжение великое, 15 темь»¹. Встречающееся здесь выражение «темь» или «тьма» в тогдашнем языке обозначало число 10000. Читаем: «дасть на нем 10000 рубльє серебра, еже есть тма»². Но оно имело и другое значение: в областях Ирана, Самарканда, Бухары термином «туман», «тюмень» обозначали мелкие территориальные единицы. Очевидно, именно в этом значении («область, округ») этот термин использован в ярлыке крымского хана Менгли-Гирея 1506-1507 гг. великому князю литовскому Сигизмунду, который хотя и относится лишь к началу XVI в., в своем основном ядре восходит к более ранней эпохе. Среди прочих, в нем упоминаются Киевская тьма, Владимирская (Владимира-Волынского) тьма, Подольская тьма и т.д.³ Свидетельство этого источника привело А.Н. Насонова к выводу, что термин «тьма» мог употребляться и в значении податного округа⁴. Но что следует понимать под фразой «княжение великое, 15 темь»?

В поисках ответа на этот вопрос А.Н. Насонов обратил внимание на одно известие из «Хронографа редакции 1512 г.», который под 1399 г. сообщает о просьбе литовского князя Витовта, обращенной к хану Тохтамышу: «ты мене посади на Московьскомъ великомъ княжении и на всей семенатьцати темь»⁵. Употребленное здесь выражение «17 темь» очень близко к цифре «15 темь» Рогожского летописца и также связано географически с территорией Великого княжения Владимирского, которое, как считается, после 1389 г. слилось с территорией Москов-

ского княжества. Отсюда А.Н. Насонов сделал вывод, что данная фраза свидетельствует о 150 тысячах плательщиках ордынской дани на территории Великого княжения Владимирского, которые были поделены на 15 «туманов» или небольших областей, размеры которых определялись в соответствии с величиной взимавшейся дани». Правда, при этом автор этого утверждения все же испытывал определенные сомнения по его правильности, главным из которых было то, что «в источниках мы не нашли пока никаких следов существования «тем» как мелких территориальных единиц на русском Северо-востоке»⁶.

Эти сомнения усиливаются, если вспомнить упоминание в «Любечском синодике» жившего на рубеже XIII — XIV вв. князя Олега Романовича Брянского, «оставившего дванадцать темъ людей»⁷. Если можно еще согласиться с тем, что во всем Великом княжении Владимирском в XIV в. было 150 тысяч плательщиков дани (предположив, что татарские переписи охватывали именно семьи, а не отдельных лиц), то вряд ли в далеко не самом крупном Брянском княжестве, к тому же сильно страдавшем от постоянных татарских набегов, их насчитывалось 120 тысяч.

Между тем, хотя лишь один раз, но термин «тьма» все же встречается в духовных и договорных грамотах XIV — XV вв. — в докончании 1445 г. князя Дмитрия Шемяки с суздальскими князьями: «А въ прадедину нашу, и в дедину, и въ отчину, в Суздаль, в Новгород (имеется в виду Нижний Новгород. — К.А.), в Городецъ, и въ Вятку, и во всю пятетем Новьгородскую, тебе, господину нашему, князю Дмитрию Юриевичю, и твоему сыну, князю Ивану, не вступатися ничим»⁸.

Что следует подразумевать под выражением «всю пятетем Новьгородскую»? В переводе на современный язык его нужно читать как «все пять тем новгородских». Поскольку грамотой выражение перечисляется в одном ряду с Суздалем, Нижним Новгородом, Городцом и Вяткой, можно предположить, что оно обозначало определенную географическую область, такую же, как вышеперечисленные, и сравнимую с ними по своим размерам. Указание же грамоты, что эта область являлась новгородской (в данном случае речь идет, конечно же, не о Великом Новгороде, а о Нижнем) заставляет искать ее в пределах Нижегородского княжества.

Определенные указания на это дает известие Рогожского летописца под 1364 г.: «бысть моръ силен велик на люди в Новегороде въ Нижнем и на уезде, и на Сару, и на Киши, и по странамъ, и по волостемъ»⁹. Некоторое недоумение в этом сообщении вызывают слова «и по странамъ, и по волостемъ». Летописи, полные сообщений о различных эпидемиях, при характеристике их размеров и произведенных опустошениях иногда используют выражение «страны», но употребляют его исключительно в значениях «государство», «княжество». В приведенном же отрывке речь идет исключительно о территории Нижегородского княжества, где, понятное дело, не могло быть других «государств». Притом эти «государства» должны были быть совершенно крошечны-

ми, поскольку, судя по контексту, понятия «страны» и «волости» однопорядковые, означающие мелкую территориальную единицу. Тем не менее, летописец сознательно употребляет в сообщении не одно из этих слов, а одновременно два. Отсюда можно предположить, что в Нижегородском княжестве наряду с волостями существовали и иные мелкие административные единицы, отличные от них.

Ясность в этом вопросе наступает, когда вспомним, что именно термином «тьма» или «тъма» можно было обозначить небольшую территориальную округу. Очевидно, упоминаемые в этом известии Сара и Кишь являлись ничем иным, как «тьмами». Однако слово «тъма» в тогдашнем языке имело и другое, числовое значение (10 тысяч) и поэтому летописец в своем известии предпочел дать не сам термин, а его русский перевод.

Итак, в пределах Нижегородского княжества находились две мелкие административные единицы — Сара и Кишь, — возможно, носившие название «тъма». Окончательно в этом можно убедиться лишь тогда, когда найдем остальные три. Они, вероятно, лежали поблизости от первых двух, и поэтому необходимо обратиться к известиям летописца, где упоминаются и другие административные единицы этого района. Под 1375 и 1408 гг. здесь упоминаются Запьяние, Уяды и Курмыш¹⁰.

Названные в этих сообщениях пять пунктов — Сара, Кишь, Запьяние, Уяды и Курмыш компактно располагались вдоль нижнего течения р. Суры, ее притоков Пьяны и Кишь. Во второй половине XIV — первой половине XV в. они входили в Нижегородское княжество и образовывали на его восточной окраине единую область с центром в Курмыше¹¹. Судя по грамоте 1445 г. она именовалась как «пять тем нижегородских». И хотя эта область входила в состав Нижегородского княжества, она делилась не на волости, а на «тьмы». Это объясняется тем, что преобладающим элементом здешнего населения были не русские, а мордва и татары.

В литературе приобретение этих земель суздальско-нижегородскими князьями обычно относят к 60 — 70-м годам XIV в.¹². Суздальско-нижегородские князья, присоединив эту территорию, не спешили вводить здесь прямое русское управление с привычным делением на волости, а оставили для местного мордовского и татарского населения известную автономию и прежнюю систему управления, состоящую из «тем». Таким образом, под термином «тъма» следует понимать мелкую административную единицу, аналогичную волости, на землях, населенных по преимуществу нерусским населением, и сохранявшую определенную самостоятельность во внутреннем управлении.

Появление этих новых административных единиц на границах Русской земли объяснялось тем, что уже с раннего времени в Орде начинаются смуты. Ожесточенная грызня за ханский престол выбрасывала за ее пределы царевичей и вельмож, потерпевших поражение в этой борьбе. Вместе с ними, спасаясь от мести победителей, бежали их

сторонники. Вся эта масса оседала на малозаселенных местах между русскими княжествами, Литвой и Великой степью, создавая ту широкую буферную зону между Русью и Ордой, которую уже в XV в. назовут «украиной». Русские и литовские князья охотно принимали выходцев из Орды, предоставляя им свободные земли, справедливо полагая, что могут использовать их в качестве заслона против татарских набегов.

Итак видим, что в распоряжении суздальских князей имелось пять «тем». Однако известие Рогожского летописца говорит о 15 «тьмах», полученных суздальским князем вместе с великим княжением. Очевидно, они располагались по соседству на границе Великого княжества Владимирского, в широкой полосе пограничья русских земель с Ордой.

Кто же возглавлял «тьмы»? А.Н. Насонов, рисуя картину ордынской власти на Руси, создал стройную схему ее организации из баскаческих отрядов во главе с владимирским баскаком, называвшимся «великим», которому были подчинены другие баскаки, державшие баскачества разных княжений. Все это, по мнению ученого, было направлено для решения лишь одной задачи — держать в повиновении покоренное население¹³. Однако, просматривая немногочисленные упоминания источников о баскаках, следует обратить внимание на то, в каких географических регионах они действуют. Выясняется неожиданное обстоятельство — ареал деятельности баскаков оказывается связанным с той же самой широкой «буферной» полосой русско-ордынского пограничья, где источниками фиксируются мелкие административные единицы «тьмы».

Под 1331 г. летописи сообщают, что новгородский владыка Василий отправился для своего посвящения на Волынь, где находился тогда митрополит Феогност. На обратном пути, уже под Черниговом, его настиг «князь Федоръ Киевський со баскакомъ въ пятидесят человекъ розбоемъ»¹⁴. Широко известен рассказ о баскаке Ахмате, активно действовавшем в 1280-х годах в районе Курска и создавшем там свои слободы¹⁵. Упоминаются баскаки в грамотах русских митрополитов, адресованных населению территории, примыкавшей к Червленому Яру (возле Хопра и Дона), чья принадлежность была спорной между Рязанской и Сарайской епископиями¹⁶, а также, судя по московско-рязанскому докончанию 1381 г., в Туле¹⁷. Согласно «Житию Пафнутия Боровского» дед святителя — Мартин был баскаком в Боровске¹⁸.

Некоторым диссонансом в этом смысле может показаться известие 1269 г., когда князь Святослав Ярославич «прииде... в Новъгород, бяше же с ними баскакъ великии Володимерьскии именем Армаганъ, и хоте ити на город на неметцкии Колыванъ, и уведаша немци, прислаша послы своя с челобитьемъ, глаголюще: «челом бьем, господине, на всеи твоеи воли, а Неровы всее отступаемя». И тако взя миръ с немци»¹⁹. Но это противоречие снимается, когда выясняется, что свои войска князь Святослав собирал по приказу своего отца великого князя вла-

димирского Ярослава Ярославича в «Низовской земле». Судя по всему, центром владений «баскака великого владимирского» мог быть лежавший на границе русских владений Муром. Во всяком случае, летописи не фиксируют с середины XIII в. на протяжении почти столетия ни одного из муромских князей²⁰. Поскольку он зависел от великого князя владимирского, вполне объяснимо его упоминание летописцем как «баскака великого владимирского».

Наконец, под 1305 г. Лаврентьевская летопись сообщает о смерти баскака Кутлубуги, который был связан с Ростовской землей²¹. На первый взгляд, его деятельность не связана с буферной зоной русско-ордынского пограничья, но историко-географический анализ показывает, что на рубеже XIII — XIV вв. ростовским князьям принадлежали огромные лесные пространства по р. Ветлуге, лежавшие на границе русских земель, где компактно проживало нерусское население. Именно эти территории и следует связать с деятельностью Кутлубуги. Правда, следует отметить, что здешние мелкие территориально-административные единицы не носили названия «тьма», а именовались «дорога». По документам XVII в. на р. Ветлуге, наряду с чисто русскими волостями, известны «Лапшангская» и «Вятская» дороги²².

Это обстоятельство заставляет вспомнить, что в XIV в. термин «баскак» заменяется в русских источниках словом «даруга» (или «дорога» в русифицированной форме). Не останавливаясь на выяснении причин этого, отметим высказанное в литературе мнение, что тюркский термин «баскак» однозначно соответствует монгольскому «даруга»²³. Каковы были функции «даруги»? А.Н. Насонов, продолжая строить свою схему ордынского владычества на Руси, утверждал, что они занимались тем же, что и баскаки — сбором дани, только с той разницей, что «теперь князья отдельных княжеств имели дело каждый со своим «дорогой», т.е. московский князь с «дорогой московским», тверской с «дорогой тверским» и т.п. Так, под 1432 г. в Симеоновской летописи упомянут «московский дорога» Минь-Булат, а под 1471 г. — «князь Темирь, дорога рязанской». Отсюда следует предположить, что существовали «дорога тверской» и «нижегородско-суздальский» и, может быть, другие²⁴. Но при ближайшем знакомстве — с какими географическими регионами была связана деятельность «даруг» — становится ясным, что эти предположения остаются не более чем игрой ума.

Под 1376 г. летописец сообщает о походе воевод Дмитрия Донского и его тестя князя Дмитрия Константиновича Суздальского «ратью на безбожных Болгары». «Князи же болгарские Осань и Махмать салтань и добиста челомъ князю великому и тьстю его князю Дмитрею Костянтиновичю, ... а *дарагу* и таможенника посадиша князя великого в Болгарех и отъидоша прочь»²⁵. Еще раз термин «даруга» встречается в летописи под 1438 г. при описании переговоров перед Белевским боем, когда татарский царь Махмут послал к русским воеводам «зятя своего Ельбердеа да *дараг*, князеи Усеина Сараева да Усень Хозю». Как видно, речь снова идет о пограничных территориях русско-ордынского пограничья²⁶.

К этой же территории относится и упоминание Симеоновской летописью «рязанского дороги» Темира под 1471 г.²⁷. Он, очевидно, управлял теми «тьмами» в Рязанской земле, свидетельство о существовании которых находим в ярлыке крымского хана Менгли-Гирея литовскому великому князю Сигизмунду²⁸. Что же касается «московского дороги» Минь-Булата, у которого в 1432 г. находились великий князь Василий Темный и его дядя князь Юрий Галицкий²⁹, то вспомнив об известии «Хронографа редакции 1512 г.», который под 1399 г. сообщает о Московском великом княжении и 17 «тьмах», выясним, что его владения вероятнее всего лежали в районе Тулы, которая московско-рязанским договором 1381 г. именуется как «место» московского князя. Наконец, московско-рязанское докончание 1483 г. упоминает даруг касимовского царевича³⁰. Таким образом становится понятным, что речь идет все о тех же русско-ордынских пограничных землях.

Отсюда вытекает и наш основной вывод: эти земли русско-ордынского пограничья, широкой полосой протянувшиеся вдоль всей кромки русских княжеств представляли собой территории с редким русско-татарским населением, преобладающим элементом которого были выходцы из Золотой Орды. Административно они состояли примерно из полутора десятков мелких образований, носивших названия «тьмы». Чуть меньшее количество «тем» приходилось на литовско-татарское пограничье. Главы этих образований приблизительно до середины XIV в. носили название баскаков, а позднее — даруг.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Полное собрание русских летописей. Т. XV. Вып. 1. Пг., 1922. Стб. 68. (Далее: ПСРЛ).

² Там же. Т. XXV. М.; Л., 1949. С. 187.

³ Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 2 (1506-1544). СПб., 1848. № 6; Ср.: Там же. № 200.

⁴ Насонов А.Н. Монголы и Русь. История татарской политики на Руси. М.; Л., 1940. С. 98 — 99.

⁵ ПСРЛ. Т. XXIII. Ч. 1. СПб., 1911. С. 423.

⁶ Насонов А.Н. Указ. соч. С. 99.

⁷ Зотов Р.В. О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. СПб., 1892. С. 26, 82 — 86.

⁸ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV — XVI вв. М.; Л., 1950. № 40. С. 119. (Далее: ДДГ).

⁹ ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 76.

¹⁰ Там же. Стб. 109, 484.

¹¹ Курмыш стал центром этой области с 1372 г. : «Того же лета князь Борисъ Костянтинович постави себе город на реце на Суре и нарече его именем Курмышъ» (ПСРЛ. Т. XXV. С. 187).

¹² Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X— XIV вв. М., 1984. С. 217.

¹³ Насонов А.Н. Указ. соч.. С. 145 — 146. См. также: Греков Б.Д., Якубовс-

- кий А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950. С. 220 — 221; Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973. С. 26.
- ¹⁴ ПСРЛ. Т. III. М., 2000. С. 344.
- ¹⁵ Там же. Т. X. М., 1965. С. 162; Т. VII. СПб., 1856. С. 176 — 178.
- ¹⁶ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. Т. III. М., 1964. № 312. С. 341 — 343; № 313. С. 343 — 345.
- ¹⁷ ДДГ. № 10. С. 29.
- ¹⁸ О «Житии» см.: Кривошеев Ю.В. Русь и монголы. Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII — XIV вв. СПб., 1999. С. 201 и след.
- ¹⁹ ПСРЛ. Т. XXV. С. 148.
- ²⁰ См.: Экземплярский А.В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. Т. II. СПб., 1891. С. 616 — 618).
- ²¹ ПСРЛ. Т. I. М., 1997. Стб. 528.
- ²² Холмогоровы В.И., Г.И. Материалы для истории Костромской епархии. Вып. 1. Галичская десятина с пригороды Солигаличем, Судаем, Унжею, Кологривом, Парфеньевым и Чухломою жилых данных церквей. 1628 — 1710 и 1722 — 1746 гг. Кострома, 1895. С. 219, 221, 225, 257, 265, 271; Вып. 2. Солигаличская и Унженская десятины жилых данных церквей. 1680 — 1710 и 1722 — 1746 гг. Кострома, 1900. С. 71, 72, 81, 103, 104, 112.
- ²³ См.: Кривошеев Ю.В. Ук. соч. С. 216. Прим. 225; Федоров-Давыдов Г.А. Ук. соч. С. 30 — 31.
- ²⁴ Насонов А.Н. Указ. соч. С. 104 — 105.
- ²⁵ ПСРЛ. Т. XXV. С. 192.
- ²⁶ Там же. С. 260.
- ²⁷ Там же. Т. XVIII. СПб., 1913. С. 224.
- ²⁸ Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. II. № 6. С. 5.
- ²⁹ ПСРЛ. Т. XXII. Ч. 1. С. 423.
- ³⁰ ДДГ. № 76. С. 284, 288.

543-е заседание. 21 ноября 2001 г.

М. Ю. Люстров

Нарвский печатный катехизис 1701 г.

В 1701 г. в Нарве был издан лютеранский катехизис на русском и шведском языках. Название книги написано по-шведски без русского перевода («Lutheri Cathéchismus Asskon och Morgon...»). В самой книге русский и шведский тексты напечатаны параллельно: на левой странице разворота -русский, на правой — шведский текст. Все тексты набраны готическим шрифтом. По своему составу лютеранский катехизис 1701 г. является сокращенным вариантом стокгольмского лютеранского катехизиса 1628 г., напечатанного на русском языке, но не латиницей, а кириллицей.

В XVII— первые годы XVIII в. в Швеции было опубликовано несколько текстов на русском языке. Анализ этих книг позволяет выяснить, кто являлся потенциальным читателем лютеранского катехизиса 1701 г.

Во-первых, можно предположить, что этот катехизис адресовался